

ЗАКОН ЕСТЬ ЗАКОН

РАССКАЗ

ФИЛИС АЛЬТМАН

РАНСОЛИ поднялся на рассвете. Маленький, черный, как уголек, на фоне разгоравшегося неба он казался еще меньше — словно жучок или букашка. Оглянувшись назад, он увидел свою тень — непропорционально вытянувшуюся, длинную, закрывшую собой всю дорогу. Он долго разглядывал ее, как бы надеясь обрести уверенность и силу в ее огромных размерах, а потом отвернулся и устало поплелся по дороге, по которой прошел лишь один раз — в дни своей молодости, когда приехал в эти края жить навсегда.

Теперь его запавшие, окруженные морщинами глаза почти ослепли из-за тяжелой, изнурительной работы, и выглядел он намного старше своих шестидесяти лет. Но острый нос и аккуратная эспаньолка придавали его лицу благородство. И эспаньолка и волосы на голове были сильно тронуты проседью. В узелке из красной материи, перекинутом на палке через плечо, лежали его ботинки и кое-какие вещи.

Старый, наивный человек, портной-самоучка, он уже прошел свой жизненный путь почти до конца, вот теперь его жизнь вдруг должна была круто измениться. Из-за всемогущего закона, из-за бумажки, которую он едва смог прочесть, так почти ничего в ней и не поняв. Он чувствовал благоговейный трепет перед печатным словом, потому что сам умел писать лишь свое имя — большими нескладными буквами, как пишут дети.

Эта грозная маленькая бумажка приказывала ему вернуться в те места, откуда он приехал.

Его сразило всеведение администрации. Он никак не мог понять, каким образом на этих обширных, бескрайних землях глаз властей выискивал его, живущего так тихо в скромном домике с маленькой портновской мастерской. Это всевидящее око высмотрело его — ничтожную мурашку в круговороте перенаселенной общины, и взгляд этого ока был таким ненавидящим, что теперь ему следовало исчезнуть, бросить жену, и Сифо, и Табо — внуков, сыновей умершей дочери, свою единственную радость и отраду.

Филис Альтман — известная южноафриканская писательница, активный участник борьбы против расизма.

Что может поделывать маленький человек, когда магические слова на бумаге рушат привычный ему мир? Трясущимися руками держал он эту бумагу, пока клерк-африканец из отдела пропусков объяснял ему ее содержание:

— Тебе придется уехать отсюда, — сказал он смущенно, отводя взгляд. — Здесь тебе оставаться нельзя, нужно возвращаться обратно в те места, откуда ты родом.

— Но ведь мой пропуск в порядке... — Еще надеясь на что-то, он робко протянул свой пропуск. Но клерк резко отвел его руку.

— Теперь уже никакой пропуск для тебя не годится. Ты приехал из другого места и должен туда вернуться.

— Но почему?

— Потому что таков закон. Новый закон, понимаешь?

— Что это за закон? Разве может дитя вернуться обратно в чрево матери? Разве есть такое средство, от которого лицо мое стало бы гладким, а ноги молодыми, как в юности? Здесь мой дом. Жену я взял себе из вашего народа...

— Все эти разговоры ни к чему. Ты приехал из восточных португальских владений, и в Южной Африке тебе оставаться нельзя. Забирай свои вещи и уезжай. — Клерк начинал сердиться.

Португальские восточные владения, Южная Африка — Рансоли не очень-то разбирался в географии. Он только помнит, что шел сюда долго-долго. Солнце много раз поднималось и уходило за горизонт, пока он добрался до этих мест. Никто тогда не сказал ему, что он не имеет права здесь жить. Он был молодой и сильный и мог бы сразу уйти, а сейчас его силы отданы этим местам, этой земле. Он копал эту черную, твердую землю, засеивал ее, пас стадо, погонял волов. Здесь он женился, здесь у него родился ребенок — дочь, у которой потом родились свои дети. Как сможет он объяснить все это Фоулане, своей жене? Он долго молчал, опустив голову, и когда набрался храбрости, рассказал ей все, потому что не знал, в чем провинился.

— Не уезжай, — прошептала она, прильнув к его груди, — не оставляй меня одну...

Он всегда, все годы, что они прожили вместе, был ей опорой и защитой. Как же могла она поверить в то, что лишь слова, написанные на обыкновенной бумаге, заставляют его порвать с нею

теперь, когда сам он стал таким беспомощным? Наконец, осознав безвыходность положения, она уткнулась лицом в фартук и заголосила так отчаянно, как голосят только над покойником. Сифо и Табо с плачем вцепились в ее юбку.

Рансоли был не единственным, кого высмотрел глаз закона. Целые семьи то здесь, то там по соседству были скошены этой бедою, как болезнью, как чумой. Мужчины уходили, и никто не знал куда. Они просто исчезали, а их жены и дети мерли с голоду. Маджунга, сосед, бесстрашный и гордый человек, также подпавший под букву закона, отчаялся подчиниться. Его выслали, изловили и, словно собаку, бросили в полицейский фургон как раз в тот день, когда у жены его начались роды. И тогда Рансоли понял, что спасения нет. Убитый горем, он пошел поговорить с Мокеле, своим зятем. Мокеле зло рассмеялся, но смех его, как и гнев того клерка, был направлен не против него, Рансоли.

— Ты должен уехать, потому что они тебя боятся, отец. Они, кичащиеся своим образованием, понастраившие огромных неприступных крепостей, окружившие себя собаками и обвешанные оружием, они боятся тебя, простого, неграмотного портного. У них такой страх перед тобой, старик, что он заставляет их дрожать мелкой дрожью.

Рансоли оглядел себя с удивлением. Мокеле снова засмеялся, и смех его прозвучал угрожающе.

— Да, отец, даже ты, такой старый и дряхлый, вызываешь у них ужас, от которого сердце уходит в пятки.

Слова зятя немного притупили боль Рансоли, и он держался внешне спокойно, пока шла распродажа имущества, пока куски материи, старенькая, выдававшая виды швейная машинка, шпульки, катушки, сантиметр, кусочки мела превращались в тощие пачки денежных бумажек. Он стоял выпрямившись, как аршин, с каменным неподвижным лицом, желая лишь удержать слезы, которые так легко могли брызнуть из глаз и побежать по глубоким морщинам, бороздящим его лицо. Он стоял и грустно смотрел, как чужие люди бездумно перебирают вещи, которые так дороги ему.

Теперь уже все кончено. Вот эти бумажные деньги — по сути дела итог сорока лет его труда, всей его сознательной жизни. Он подержал эти деньги в руках, вы-

нул себе одну бумажку, а остальное отдал жене, а Фоулана половину этих денег тут же понесла жене Маджунги для новорожденного. Фоулана ушла. Рансоли позвал к себе Сифо и Табо. Они подошли притихшие, послушные, потому что в доме в эти дни поселилось горе, которого они никак не могли постичь.

Но их дедушка улыбался, как и в прежние времена, и они тоже засмеялись, решив, что снова наступила радость. Рансоли дал им по шестипенсовой монетке, и они азяли деньги, как величайшее сокровище.

— А что вы дадите мне? — спросил он ласково.

Дети смутились:

— У нас ведь ничего нет...

— Ну, тогда идите, — сказал дедушка.

Он легонько похлопал их по плечам, и они ринулись вниз по улице. Но вдруг Сифо остановился и, обернувшись, тревожно взглянул на деда. Рансоли поднял руку и помахал мальчику, которому предстояло теперь стать старшим мужчиной в доме.

Он уже собрал все свои нехитрые вещички, когда домой возвратилась Фоулана. Они долго смотрели друг на друга не в силах вымолвить слова. Каждый понимал, что они уже больше не увидятся никогда: где ему, в его годы, уставшему и почти слепому, устроить новую жизнь для жены и для детишек? Лицо ее было неподвижным, окаменевшим от боли, когда она шагнула к не-

му, чтобы расправить воротничок у его рубашки. Это было последнее, что она могла сейчас для него сделать. Она дотронулась рукой до его щеки, он быстро схватил ее руку, погладил, потом нагнулся, поднял узелок. Она отвернулась.

— Фоулана! — тихо позвал он.

— Ну прощай, мой дорогой.

Он тихо пошел прочь, потом зашагал быстрее, потому что грудь его разрывалась от боли, как будто там сидел хищный шкал, ждавший момента, чтобы сожрать его сердце.

Путь его лежал на север. Он будет жить с незнакомыми ему людьми, чей язык он уже давно не понимал. Он шагал и шагал, и из его усталой головы никак не шел один вопрос: правду ли сказал Мокеле, будто эти больные люди боятся его так сильно, что даже захотели выслать его? Он старался отбросить эту мысль прочь. Чего им бояться такого хилого старика, стоящего на краю могилы? Но мысль эта сверлила его мозг, и от нее некуда было деться.

В полдень он подошел к одиноко стоявшему могучему дереву, прислонился к нему, чтобы набраться сил. В последний раз он обернулся назад, и ему показалось, что земля и небо слились воедино и места, которые он привык считать родными, окутала непроглядная тьма.

Перевел с английского
Валентин Коткин

ПЧЕЛЫ И РАСИЗМ

Франсуа Дюпон, житель Йоганнесбурга (Южная Африка), был атакован роем пчел. От многочисленных укусов он потерял сознание. К тому времени, когда прибыла скорая помощь, белая кожа Дюпона под влиянием яда приобрела темный цвет. Врач отказался забрать его в больницу, потому что карета скорой помощи была предназначена исключительно для белых. После длительного ожидания приехала другая машина, которая отвезла пострадавшего в больницу для черных. Врачи, убедившись, что пациент все-таки человек белой расы, не решились предпринимать что-либо: африканцы не имеют права лечить белых. Несчастному Дюпону пришлось дожидаться машины скорой помощи с надписью: «Только для белых», которая отвезла его в «белую больницу». Из-за бессмысленных расистских законов он оставался без помощи в течение нескольких часов.